
СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ЦЕННОСТИ БУДУЩИХ ЭЛИТ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСТВА ДВУХ СТРАН*

М. Тучек

Кафедра социологии Института социологических исследований
факультета социальных наук Карлова университета в Праге
У Криже 8, 15800, Прага 5, Чехия

В статье представлены результаты сравнительного социологического исследования, проведенного социологами факультета социальных наук Карлова университета в Праге и кафедры социологии Российского университета дружбы народов в Москве. Исследование посвящено рассмотрению ценностных ориентаций студенческой молодежи высших учебных заведений Праги и Москвы. Полученные данные имеют особое значение, поскольку именно студенты столичных вузов — та часть молодежи двух стран, которая имеет наибольшие шансы пополнить ряды национальной элиты и повлиять на развитие общества.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, элита, студенчество, сравнительный социологический анализ.

Роль студентов вузов — будущей элиты и лидеров общественного мнения — в жизни общества весьма значительна, поэтому ценностные ориентации студенчества — важная тема не только для социологии, но и для близких ей дисциплин, о чем свидетельствует большое количество междисциплинарных исследований по данной проблематике. Зачастую речь идет об опросах, проводимых в связи с важными общественными событиями, чтобы зафиксировать, какое влияние такие события оказывают на молодых людей, которые в недалеком будущем станут определять вектор общественного развития. Цель настоящей статьи — дать сопоставительную характеристику ценностей чешских и российских студентов столичных вузов, сравнение ценностных ориентаций молодых людей в странах со схожим прошлым и оценку изменений этих ориентаций в культурно-историческом контексте. Как справедливо отмечают многие авторы, плюрализм ценностей является

* Перевод с чешского Н.П. Нарбута.

естественной частью нашей жизни, предпосылкой демократического общества, гарантией достижения экономического, политического и культурного успеха. Однако в условиях, когда демократия постоянно сталкивается с несовершенствами типа нелегитимной социальной стратификации или политической анархией, плюрализм ценностей может иметь и негативное влияние [7. С. 179]. Мы попытаемся выяснить, как плюрализм ценностей отражается в мышлении молодых людей двух стран, каждая из которых в определенный исторический момент пошла своим путем.

В своих оценках мы будем отталкиваться от данных, полученных в результате многолетних исследований ценностных ориентаций студенчества, которые проводились в рамках сотрудничества между факультетом социальных наук Карлова университета в Праге и кафедрой социологии Российского университета дружбы народов в Москве.

Студенческие ценности — популярная тема большого количества исследований, выводы которых весьма полезны во многих отношениях: они помогают вскрыть и устранить недостатки системы образования, оценить предпочтения и потребности молодежи, показать, каким путем пойдет будущая элита; полученные данные являются ценным материалом для сравнения культурных различий в международном контексте. Мы хотели бы подробнее остановиться на результатах трех исследований, посвященных изучению ценностей студенческой молодежи. Первое исследование было проведено среди австралийских студентов-медиков для оценки валидности и надежности шкалы, сконструированной для измерения ценностных ориентаций студентов вузов (Tertiary Student Values Scale — TSVS). Второе исследование проводилось среди 13—15-летних учащихся британских колледжей, чтобы узнать их отношение к изменениям в образовательной системе. Третий проект был посвящен анализу долгосрочных последствий революционного студенческого движения 1970—1980-х гг. в международном сравнительном аспекте и фокусировался прежде всего на политических ориентациях и ценностях молодежи. Три этих исследования послужили своеобразным трамплином для последующего сравнения ценностных систем московских и пражских студентов.

Шкала TSVS была сконструирована для измерения ценностных ориентаций студентов высших учебных заведений. Исследователи исходили из посылки, что в настоящее время увеличивается культурная дифференциация среди студентов западных высших учебных заведений. Чтобы система образования могла соответствующим образом учитывать этот факт, необходимо было разработать инструментарий, позволяющий проводить мониторинговые замеры ценностных ориентаций студентов. Этим инструментом и стала шкала TSVS, надежность и валидность которой авторы исследования стремились проверить. Опрос был проведен среди австралийских студентов-медиков. Им была предложена анкета из 68 вопросов, которая была разработана на основе модели ценностных ориентаций Ф. Клухона и Ф. Стродтбека (она включает в себя пять измерений ценностных ориентаций: человеческая природа, отношения «человек—природа», время в человеческой жизни, активность и ее мотивация, отношения между людьми). Варианты ответов

были подвергнуты факторному анализу, благодаря которому они были сведены в 15 главных факторов. Результаты исследования показали, что ценностные ориентации есть комплексный конструкт, который может быть измерен при помощи целого ряда показателей с использованием принципов психометрии. Дальнейшее совершенствование предложенной шкалы позволило бы использовать ее как универсальный инструмент измерения ценностных ориентаций студентов [8. С. 895].

Исследование, проведенное среди большого количества (более 30 тысяч респондентов) студентов британских колледжей в возрасте 13—15 лет, было призвано определить содержание и структуру их ценностного мира для понимания возможных направлений трансформации британской системы образования. Особый интерес для исследователей представляли несколько основных тем: политика, мораль, сексуальность, религия, страхи, школа, будущее трудоустройство и свободное время. Эти аспекты были проанализированы с точки зрения возрастных, гендерных, социальных, семейно-статусных, религиозных различий, а также в контексте увлечения просмотром телепередач. В результате опроса было получено большое количество интересных сведений, но, главное, авторы отметили сознательность и зрелость студентов, осознание ими собственной ответственности в рамках системы образования [2. С. 209—210].

Международное исследование ценностей студентов вузов должно было показать логику формирования их ценностных ориентаций и политических предпочтений, выяснить, каковы позиции студенчества определенных стран в «право-левом» политическом спектре. Главной посылкой исследования было все возрастающее влияние молодежи на политические процессы в современном обществе. Проект задействовал целый ряд стран: Францию, Великобританию, США, Германию, Японию и др. Анкета была составлена преимущественно из ценностно-окрашенных суждений, по каждому из которых респонденты должны были высказать свое согласие/несогласие с помощью порядковой шкалы. Исследователи стремились дать ответы на следующие вопросы: существуют ли сегодня предпосылки для конфликта поколений; можно ли говорить о неких универсальных характеристиках системы ценностей студентов; придерживаются ли студенты, изучающие социальные науки, чаще левой политической ориентации? В результате опроса выяснилось: можно говорить скорее о конфликтах внутри поколений, а не между поколениями; характеристики систем ценностей студентов из разных социокультурных сред не универсальны, но между ними можно найти ряд сходств; в некоторых странах гуманитарии действительно склонны к «левачеству», но далеко не во всех странах (правда, ни в одной стране не было выявлено и склонности студентов социальных специальностей к правому политическому лагерю) [6. С. 276—277].

Наше международное исследование, в ходе которого было проведено несколько анкетных опросов студентов вузов в Москве и Праге (в каждом опросе репрезентативная выборка составила более тысячи респондентов), основывалось на едином инструментарии, однако каждый из его языковых вариантов (русский и чешский) имел небольшую самостоятельную тематическую часть. Ее мы исключим из дальнейшего рассмотрения и проанализируем только общие для двух мас-

сивов вопросы, в отношении которых не может быть сомнений в возможности их сопоставления. Кроме того, необходимо упомянуть и о некоторых возрастных особенностях двух выборок: в России начальная и средняя школа составляют вместе одиннадцать лет, тогда как в Чехии — тринадцать. Это возрастное различие определяет средний возраст российских респондентов в 20,5 лет, чешских — в 22,7 (данное различие не оказалось значимым для сопоставительного анализа). Поскольку речь идет о столичных студентах, мы были крайне аккуратны в интерпретации, обобщении и экстраполяции полученных данных на всю молодежь.

Исследования, начавшиеся в 2007 г., сфокусированы на следующих тематических блоках в рамках единой проблемы ценностных ориентаций: предметы национальной гордости и социальное доверие, стратегия успеха, религиозность. Каждая из этих тем составляет самостоятельный раздел анкеты, где подробно разбираются переменные, на основе которых тема была сконструирована. В итоге мы получили возможность оценить сходства и различия полученных данных в двух странах. Несмотря на то, что речь идет только об анализе ценностных ориентаций студентов столичных вузов России и Чехии, данные, по нашему мнению, коррелируют с общими условиями жизни молодого поколения в двух странах, хотя, несомненно, студенты высших учебных заведений Праги и Москвы имеют больше шансов пополнить элиту и повлиять на будущее развитие общества. Наша цель — объяснить сходства и различия ценностей этих потенциальных элит и предложить их социологическую интерпретацию.

Рассмотрим предметы национальной гордости и социального доверия. В первом случае речь идет скорее о культурном контексте отношения к стране, положительных или отрицательных чувствах, связанных с принадлежностью к ее народу, т.е. об эмоциональной стороне патриотизма; во втором — об оценке деятельности государственных структур. Российский народ в сравнении с чешским можно считать «очень гордым»: после распада Советского Союза, этой практически всемогущей империи, гражданской и национальной идентичности населения был нанесен тяжелый удар. Ярко выраженные гражданская и национальная идентичность стали в данной ситуации попыткой обрести новую коллективную идентичность (набор ценностей, включающий в себя прежде всего родственные связи, территория страны, национальная культура и т.д.) и связанную с ней социально-психологическую стабильность. В Чешской республике этот идентификационный комплекс менее выражен: чехи — весьма космополитичный народ, который стремится влиться в Европу и использовать преимущества от установления крепких связей с западноевропейскими странами (открытости чешского общества внешним воздействиям способствует и географическое положение Чехии).

Концепт «национальная гордость» в исследовании был сконструирован из контрастных переменных — патриотизма и гордости как определенных характеристик народа, с одной стороны, и оценок сближения с Западом — с другой. Как и ожидалось, российские респонденты значительно более патриотичны, чем чешские, имеют более ясное представление о патриотизме как таковом. У чешских студентов, наоборот, в большей степени проявилась проблема неоднозначности данного

понятия; намного меньше тех, кто считает себя патриотом (каждый третий против каждого второго в российском опросе). Полезность и выгоду от сближения с Западом отметило более 70% пражских студентов, в то время как реакция такого же количества московских респондентов колебалась от нейтральной до негативной. Вероятно, эти цифры в культурно-историческом контексте позволяют утверждать, что российские респонденты склонны делить мир на «мы» и «другие», причем все «другие» (включая Западную Европу) изначально рассматриваются как потенциальные неприятели, которым Россия в своей истории неоднократно давала отпор.

Это положение можно подтвердить и оценками той роли, которую играет знание иностранных языков для будущего профессионального и жизненного успеха. Чешские студенты ставят знание иностранных языков на второе место после общих способностей, знаний и навыков, тогда как московские студенты ставят владение иностранными языками лишь на четвертое место по значимости. Вполне предсказуемо его «обгоняют» личные связи и знакомства — специфическая характеристика российского мышления, возникшая в советский период и сохраняющаяся до сих пор: в России контакты с влиятельными людьми — типичная стратегия достижения успеха во всех областях жизни.

Более «скромны» чешские студенты и в оценке отдельных характеристик своей страны — ее истории, природных ресурсов, культуры, образования, армии, науки, спортивных достижений и многих других. Для значительного числа московских студентов (порядка 75%) большая часть характеристик российской жизни — предмет для гордости; аналогичный показатель на чешской выборке редко превышает 50%. Факторный анализ позволил нам объединить все возможные предметы национальной гордости в два больших блока: первый блок включает в себя политическую сферу общественной жизни (деятельность государственных органов управления, положение страны на международной арене, развитие экономики, социальные гарантии, правовое регулирование, уровень жизни населения, армия), второй — культурный, естественно-природный и исторический компоненты (культурные достижения, природные ресурсы, история страны, образование, наука, спорт). Вполне однозначное чувство гордости вызывают элементы второго блока; политику и деятельность государства сложно назвать предметом гордости студенчества в обеих странах. Особенно это очевидно, если проранжировать все предметы национальной гордости по частоте их выбора. Наиболее контрастны лидеры двух проранжированных списков — в России на первом месте оказалась история государства, в Чехии — природные богатства; в конце обоих списков сгруппировались социально-экономические сферы жизни общества; наименее подходящий под статус предмета национальной гордости элемент у российских студентов — уровень жизни населения, у чешских — деятельность государственных органов управления.

В конструкт доверия государству с точки зрения его политического устройства и потенциала обеспечения стабильности страны были включены такие переменные, как доверие к основным политическим институтам, интерес к политиче-

ской сфере жизни общества, оценка перспектив на будущее, участие в выборах и т.п. Результаты опроса показали, что для чешских студентов характерна неопределенность во взглядах при достаточно равномерном распределении ответов, тогда как для российских — некоторая их радикализация и поляризация (национальная гордость и патриотизм вполне уживаются с недоверием государству и с отсутствием веры в будущее благосостояние).

Как отмечают многие исследователи, интерес к политике и участие в выборах, т.е. интенсивность политической ангажированности, — ключевые элементы политической ориентации вообще: эта интенсивность в разных странах колеблется от средней (низкой) до экстремальной (у радикалов, стремящихся к изменениям) [6]. У пражских и московских студентов очевидно полное отсутствие экстремальной политической ангажированности. В Чешской республике декларируемый интерес к политике несколько выше, чем в России (80% против 70%), где политическая незаинтересованность объясняется недостатком времени и недоверием к политике в целом. Подобное недоверие и политический скептицизм диагностируются в социологических исследованиях довольно часто. Например, Л. Фрэнсис получил достаточно схожие с нашими результаты, проведя исследование ценностей британских студентов колледжей: молодые люди циничны в оценках политики, их доверие партиям, длительное время представленным на политической арене, крайне низко, хотя в целом ценностно-нормативная сфера респондентов, в силу возрастных особенностей, еще и не сформировалась [2. С. 204]. В нашем случае сложно предполагать, что ситуация изменится: вряд ли политическое недоверие и скептицизм студентов исчезнут в более зрелом возрасте. В большей степени это относится к московской выборке: почти 70% студентов пражских вузов утверждают, что практически всегда принимают участие в выборах — в Москве лишь треть; в Праге каждый десятый не принимает участия в голосовании, не веря, что таковое может что-то изменить, — в Москве каждый третий.

Для определения политических предпочтений студентов в анкете была представлена классическая шкала возможных вариантов — от «правой» до «левой» политической ориентации. По данному блоку мы не можем проводить сопоставительный анализ результатов по причине отсутствия в чешской версии анкеты варианта ответа «не придерживаюсь никаких политических взглядов». Этот вариант выбрали более 40% московских студентов, что можно было бы интерпретировать как еще один признак низкой политической ангажированности, но, не имея данных по чешскому массиву, мы не имеем права заниматься умозрительными спекуляциями.

Российским и чешским студентам был задан вопрос, насколько ситуация в стране может повлиять на их будущие планы. Различия в ответах здесь не слишком существенны, тем не менее очевидна тенденция пражских студентов считать ситуацию в стране стабильной: около 60% уверены, что она никак не повлияет на их планы или же повлияет очень незначительно; в Москве аналогичный показатель ниже на 15%. Количество московских студентов, которые считают ситуацию в стране важным фактором, влияющим на их будущее, более чем в два раза

выше (7% против 3%). Уровень доверия студенчества двух стран различным социальным институтам также различается. Российские студенты в большей степени, чем чешские, не склонны доверять базовым политическим и государственным институциям (правительству, парламенту, партиям), тогда как армия, финансово-банковский сектор вызывают у них больше доверия. Интересно, что уровень доверия российских респондентов церкви в сравнении с чешскими значительно выше.

Представления респондентов о ценностях, которые они считают ключевыми для достижения успеха в профессии и жизни в целом, — несомненно, наиболее интересный раздел анкеты. Для наглядности мы разделили весь широкий спектр ценностных и жизненных приоритетов на три блока: сегодняшние ориентации в учебе и социальных контактах; представления о своих возможностях на рынке труда; стремление к славе и успеху. В качестве основных мотивов учебы российских студентов в высшей школе чаще, чем у чешских студентов, фигурирует сам факт получения диплома (17% против 8%); объединяет респондентов в двух странах получение знаний как главный мотив поступления в вуз (порядка 70%). Существенно чаще российские студенты рассматривают высшее образование как гарантию материального достатка и карьерного роста; чешские студенты делают больший акцент на самореализации, знаниях и общественном признании своей будущей профессии.

Ожидания в отношении будущей работы и представления о карьере после окончания вуза также отличаются. Пражские студенты более уверены в трудоустройстве по специальности (54% против 28%); для них наиболее важно то, чтобы работа была интересной. У российских студентов интерес выступает в единой связке с высокой заработной платой и карьерным ростом, у чешских — с возможностью самореализации и стабильным доходом. В списке гарантий успешной карьеры пражские студенты называют прежде всего знания, владение иностранными языками и работоспособность; московские — коммуникативность, знания и знакомства. Понятие успеха в общем смысле слова российские студенты связывают в первую очередь с материальным достатком, чешские — с самореализацией. Качества, которыми должен обладать человек, чтобы добиться успеха, в представлениях обеих групп практически совпадают: коммуникабельность, работоспособность и талант (в российском контексте они дополняются целеустремленностью, в чешском — честолюбием).

Если мы сведем весь спектр ценностных предпочтений и стратегий принятия решений до нескольких основных пунктов, то увидим, что российские студенты во всех сферах выделяют прежде всего материальную составляющую жизни и карьеры; они более скептически по отношению к социальным и политическим институтам; для них характерна достаточно утилитарная трактовка успеха и способов его достижения. Чешские студенты, наоборот, подчеркивают важность самореализации и социальный престиж профессии, более уверены в своем будущем. Несмотря на эти отличия, чешские и российские респонденты придерживаются примерно одинаковых жизненных стратегий, которые несколько корректируются особенностями культурно-политического контекста, прежде всего социально-эко-

номической стабильностью Чехии. Проблемой российского общества (в меньшей степени характерной для Москвы) является отсутствие среднего класса: «в России до настоящего времени не сформировался средний класс или средние слои (которые считаются гарантом общественного спокойствия и социальной стабильности), в чешских землях, согласно последним данным, положение совершенно другое» [10. С. 183]. Не следует забывать и то, что трансформации 1990-х гг. в российском обществе прошли более болезненно; существенно различается и форма государственного устройства двух стран. Все это заставляет молодых россиян полагаться в первую очередь на самих себя и быть максимально конкурентоспособными — уровень социальной защиты «неуспешных» в России далек от такового в Чешской республике. Именно в этом мы видим причины различий в стратегиях достижения успеха у студентов двух стран.

И, наконец, рассмотрим вопрос веры и религиозности молодого поколения российского и чешского общества. В обеих странах после крушения социализма можно наблюдать существенные изменения в отношении к религии: в России произошла реабилитация церкви и массовый возврат к православию, в Чехии аналогичный процесс имел ограниченный характер — здесь большое количество верующих (в широком смысле слова) эмансипировано от (христианской) церкви, что прослеживается и по ответам студентов на соответствующие вопросы анкеты.

Пражские студенты декларируют свою веру в Бога значительно реже, чем московские (треть против почти 80%); половина (18% из 34%) верующих чешских студентов не относит себя к приверженцам какой-либо религии (в России 23% из 78%). Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в ответах на вопрос о посещении святых мест: примерно 70% чешских против 40% российских студентов никогда их не посещали. Доверяет церкви как социальному институту около 60% московских студентов и лишь треть пражских респондентов (что говорит о достаточно скептическом восприятии молодыми чехами церковных институтов). Поскольку в обеих странах во второй половине прошлого столетия церковь находилась практически в одинаковом положении, объяснение выявленных различий следует искать в специфике регионального культурного контекста.

Дифференцированное отношение к религии в Чешской республике — историческая данность, результат и тянущихся с эпохи Средневековья религиозных споров, и современной «атеизации» чешского общества. Царская Россия была религиозно фундированным государственным образованием, однако в Чехословакии не произошло столь радикальной ломки религиозной традиции, как в Советском Союзе (в Чехии, по сути, сохранилось большинство христианских традиций повседневной жизни). С другой стороны, советская доктрина очень выразительно делала ставку на уважение к павшим во Второй мировой войне и, не имея собственной формальной концепции поминальных ритуалов, была вынуждена апеллировать к православной церкви. Последняя получила тем самым косвенную поддержку государства и не преминула извлечь пользу из сложившегося положения, — в чешских землях подобного не случилось [13. С. 174]. Устойчивые взаимосвязи церковной и официальной доктрин в России обусловили значительный рост числа верующих.

Если отложить в сторону мотив институционального недоверия и рассмотреть причины, которые приводят респондентов к вере как таковой, то можно прийти к весьма нетривиальным выводам. Для российских респондентов характерны (и статистически более значимы, чем для чешских) консервативные мотивы прихода к вере: стремление к очищению души и покаянию, к вечной жизни. Поиски морально-нравственной опоры, принадлежности к религиозному братству, смысла жизни, напротив, доминируют у чешских респондентов. Приведем в качестве обоснования концептуальную схему П. Ричана, который в своем исследовании различает пять факторов религиозности пражских студентов: 1) морально-нравственные убеждения; 2) чувство общности; 3) мистический опыт; 4) трансцендентально-монотеистический опыт; 5) эко-спиритуализм [12]. К трем первым факторам (присутствие двух последних мы не можем на основе имеющихся данных ни подтвердить, ни опровергнуть) в большей степени склоняются пражские студенты. Возвращение в институционализированную церковь и поиск подлинно духовных основ жизни среди чешской молодежи приводят к поляризации «индивидуальное» vs «институциональное»: духовность понимается как личное дело и переживание индивида, религия — как внешние формы, ритуалы, учение и институты [12. С. 124].

Именно область веры и религии, по нашему мнению, иллюстрирует характер полученных данных и позволяет включать их в более широкий контекст. Московские студенты более традиционны (и консервативны) в своих взглядах, ценностях и позициях, чем пражские. Либеральные ценности чешских студентов объясняются большей открытостью плюралистическим взглядам в обществе и большим влиянием Западной Европы (и Северной Америки). В Чешской республике не было возвращения к церкви, наоборот, происходит растворение религии: «общество скорее верующее, чем воцерковленно-религиозное» [4. С. 138]. В глазах российских студентов церковь после многолетних преследований при прошлом режиме реабилитирована, для чешских студентов (с определенной долей гипертрофирования) актуален вудстокский лозунг “I am not religious, but I am spiritual”.

Таким образом, подводя итоги сравнительного исследования, можно сказать, что российские студенты четко определяют себя в терминах патриотизма и испытывают очевидную национальную гордость — в Чехии понятие патриотизма трактуется молодежью не так однозначно, а национальная гордость несколько вытеснена тенденцией относить себя к западноевропейскому сообществу. Особой уверенности в стабильности государственного строя и особого доверия к политикам ни в Москве, ни в Праге не прослеживается. Однако пражские студенты, в отличие от московских, проявляют большую заинтересованность в политической жизни, декларируют стремление в ней участвовать, в частности участвовать в выборах. Российские студенты в большей мере демонстрируют политическое безразличие и недоверие не только к государственным органам и политическим институтам вообще, но даже к неправительственным общественным организациям.

Стратегии достижения успеха в профессии и в жизни несколько различаются в представлениях молодежи двух стран. Чешские студенты в большей мере полагаются на знания и способности, ищут возможности самореализации и стабильно-

сти; московские студенты чаще указывают на необходимость знакомств и контактов с «нужными людьми», нацелены преимущественно на карьерный рост и материальный достаток (проявляется утилитаризм и неверие в возможность разбогатеть легитимным путем). В вопросах веры проявилась ожидаемое российское тяготение к традиционным ценностям; чешские студенты скорее атеисты и не доверяют церкви.

В целом можно сказать, что ценностные ориентации студентов двух стран весьма схожи, хотя различия между ними иногда очень значительны по причине влияния специфических социально-экономических и культурно-политических контекстов. В то время как Чешская республика после падения «железного занавеса» стремилась как можно быстрее войти в Европу и усилить международные связи, Россия склонялась к усилению национализма и в значительной мере к недоверию внешнему окружению, особенно Западной Европе. Кроме внешней настороженности, в московских данных проявилось также недоверие государству и базовым политическим и социальным институтам. Вот почему, несмотря на скепсис, который в определенной мере проявился в обеих выборках, чешские студенты смотрят в свое будущее с большим оптимизмом, чем российские. Последние больше тяготеют к традиционным ценностям и вере, в большей степени рассчитывают на связи и материальный достаток, чем на собственные знания, способности и поддержку государства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Brudny M.Y.* Reinventing Russia. — London: Harvard University Press, 2000.
- [2] *Francis L.J.* The Values Debate: A Voice from the Pupils. — London: Woburn Press, 2001.
- [3] *Krystanovskaja O.* Anatomija rosijskoj elity. — Moskva: Zacharov, 2005.
- [4] *Halik T.* Globalizace a náboženství // *Mežříčský V.* (ed.): Globalizace. — Praha: Portál, 2003.
- [5] *Levasov V.K.* (ed.). Rosijskoje občestvo i radikalnyje reformy. — Moskva: Academia, 2001.
- [6] *Klineberg O., Zavalloni M.* (eds.) Students, Values and Politics. — New York: The Free Press, 1979.
- [7] *Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L.* Variations in Value Orientations. — Illinois: Evanston, 1961.
- [8] *Marino R., Stuart W.G.* The Validity and Reliability of the Tertiary Student Values Scale (TSVS) // *Medical Education*. — 2005. — N 39.
- [9] *Narbut N., Trotsuk I.* Cennostnyje orientacii studencheskoj molodjezi v transformirujushemsja obshestve // *Vestnik RUDN. Serija "Sociologija"*. — 2008. — № 4.
- [10] *Puzanova Ž.* Dynamika hodnotových orientací studentů v transformující se společnosti // *Balton T.* (eds.): Chaos a řád ve společnosti a v sociologii. — Praha: FSV UK, 2006.
- [11] *Říčan P., Janošova P.* Spirituality: Its Psychological Operacionalization via Measurement of Individual Differences: A Czech Perspective // *Studia Psychologica*. — 2005. — N 47(2).
- [12] *Říčan P.* Spiritualita jako klíč k osobnosti a lidským vztahům // *Československá psychologie*. — 2006. — N 50(2).
- [13] *Vogelsang I.* Soviet Ideology and Religious Practices in Simferopol, Crimea // *Pine Kaneff H.* (eds.): Memory, Politics and Religion: The Past Meets the Present in Europe. — Munster: Lit Verlag, 2004.
- [14] *Williams Ch., Sfikas D.T.* (eds.) Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States. — Brookfield: Ashgate Publishing Company, 1999.

**VALUES OF THE FUTURE ELITES
IN THE CZECH REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION:
A COMPARATIVE STUDY OF VALUES OF UNIVERSITY
STUDENTS IN THE TWO COUNTRIES**

M. Tuchek

Chair of Sociology
Sociology Institute of the Social Sciences Faculty
Charles University
U Kříže 8, 15800, Prague-5, Czech Republic

The article presents the results of a comparative sociological study carried out by a group of sociologists of the Department of social sciences in Karl University, Prague and the Department of Sociology of People's Friendship University in Moscow, Russia. The research focuses on examining value orientations of university students in Prague and Moscow. The data collected are of special significance, for it is the students in metropolitan universities who make up the part of the youth in both countries with a fair chance of replenishing the ranks of their national elites and affecting the evolution of society.

Key words: values, value orientations, the elite, the student body, a comparative sociological study.